

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНИЕ.

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
С. П. БУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-я.

ЮЛЬ, 1900.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ СТЕПЯХЪ

И

ПРЕДГОРІЯХЪ АЛТАЯ

О ЧЕРКН.

Около волостного правленія собралось довольно много народу—все гадюкинскіе ¹⁾ „пахаря“. Тутъ и россійцы—различныя типы переселенцевъ, и коренные мѣстные жители—„сибиряки“, „бергаль“, „поляки“ ²⁾; хохлы, великороссы, два-три татарина, нѣсколько киргизъ; зипуны, чуйки, пиджаки, пальто,—вообще, разнплеменные, разноязычныя и разнохарактерныя представители края.

Раннее утро, еще часъ шестой, но солнце начинаетъ уже сильно припекаеть; день обѣщаетъ быть знойнымъ и душнымъ. Многіе сидятъ, въ одиночку и небольшими группами, съ утомленнымъ, скучающимъ видомъ; кое-кто успѣлъ уже растянуться вдоль стѣны, въ холодкѣ, и дремлетъ. Другіе ведутъ разговоры; иногда слышатся бойкія словечки, остроты, шутки. Кучка въ

¹⁾ Собственныя имена селеній и лицъ—вымышленныя.

²⁾ „Бергаль“—горнорабочій, бывший ранѣе крѣпостнымъ, приспаннымъ къ заводу. Послѣ освобожденія, горнорабочіе составили особая общества такъ называемыхъ „горнозаводскихъ обывателей“. Сами себя они называютъ не иначе, какъ „обывателями“, считая кличку „бергаль“ не совсѣмъ для себя приятной.—„Поляками“ на югѣ Алтая называютъ потомковъ старообрядцевъ, сосланныхъ сюда во второй половинѣ прошлаго вѣка изъ польскихъ провинцій.

нѣсколько человѣкъ столпилась возлѣ приготовленнаго стола, гдѣ скоро должна начаться подворная перепись населенія, для которой вотъ уже третій день собирается народъ. Здѣсь можно было замѣтить нѣкоторое ожиданіе чего-то новаго, незнакомаго—это тѣ изъ гадюкинцевъ, что въ первые дни почему-либо не были на сходѣ и не присутствовали при началѣ работъ статистика.

Мое вниманіе остановилъ на себѣ еще не старшій мужикъ, лѣтъ за пятьдесятъ, бодрый и веселый, съ нѣсколько самоувѣреннѣмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавымъ выраженіемъ фізіономіи. Одѣтъ онъ былъ по-крестьянски, но хорошо и прочно; держался съ тою простотою и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства, какія нерѣдко можно встрѣтить у крестьянина западной Сибири. Въ его рѣчи слышались малороссійскіе звуки, и я спросилъ его, не росіецъ ли онъ.

— Тобольскіе мы, а родомъ точно что росіійскіе—изъ курской губерніи; суджанскіе были прежде, господскіе.

Разговорились. Рѣчь быстро свелась на причины переселенія изъ тобольской губерніи на Алтай.

— Мы въ тарскомъ округѣ, на Ошѣ лѣтъ близко тридцать жили,—говорилъ онъ,—а потомъ сюда, годовъ тому съ пятокъ будетъ, переѣхали.

— Чтò такъ?

— Да какъ вамъ сказать?.. Первое дѣло—посельщики ¹⁾ шибко уже зорить зачали нашего брата-крестьянина: такò воровство завели, что и сказать нельзя, бѣги—такъ въ ту же пору! Вѣрите-нѣтъ, лошади въ поскотину нельзя выгнать—тою же минутою угонять, и слѣдовъ потомъ не сыщешь! Вовсе отъ нихъ житья не стало...

— Ну, и тѣсно опять,—продолжалъ онъ.—Землемѣры ходили съ цѣпью, такъ послѣ того много земли въ казну отошло, и пашни, и лѣсу... А на Ошѣ у насъ, кромѣ пашни да дровъ, и заняться нечѣмъ. Которыя у насъ земли остались, скоро выпахались, пошла тѣснота. Народищу этого навалило изъ Россіи—и сказать нельзя, сколько!.. И всѣ къ землѣ лѣзутъ, всѣ къ землѣ!.. Что есть посельщики, ужъ что и за народъ, прости Господи! а и тѣ зачали сохой баловаться... Земля уходу требуетъ—долго ли ее выпахать... Наконецъ того подошло, что другому хозяину и податься некуда... Сталъ подвигаться народъ дальше—кто въ Бейсѣзъ пошелъ, кто въ Устькаменный, а которые на Амуръ отправились, да вотъ сюда тоже...

¹⁾ Уголовные ссыльные, разселяемые по деревнямъ.

— А много вашихъ здѣсь?

— Тобольскихъ-то? Много! Улица у насъ тутъ есть, Нѣмской прозывается—подите, посчитайте, кто проживаетъ: все тарскіе да тюкалинскіе; что съ того боку пойдете, что съ другого—все наши живутъ, все наши... Такъ вотъ и пошло на Ошѣ: новые подходятъ, а старіе уходятъ дальше, и такъ, сказать вамъ, подошло, что и не разберешь, кто куда идетъ...

Во время разговора, возлѣ насъ стоялъ тщедушный старичокъ-бергаль, въ измызганномъ, неопредѣленномъ цвѣтѣ армячишкѣ, съ рѣдкой, клинышкомъ, бородкой. Онъ внимательно вслушивался въ разговоръ, видимо, его сильно интересовавшій.

— А вотъ теперь сюда прете,—не выдержалъ онъ и вмѣшался,—другъ на дружку лѣзете, ничего не видите, ровно у васъ шары ¹⁾ затянуло!

Россіецъ взглянулъ на него какъ-то однимъ глазомъ, точно мимоходомъ, но этотъ короткій взглядъ выражалъ столько презрѣнія и брезгливости, что мнѣ стало жаль старика.

— Это точно, россійскихъ теперь много наѣхало сюда,—обратился переселенецъ, но не къ бергалу, а ко мнѣ,—и все прибываетъ народъ, безъ малаго каждый день все новыя подѣзжаютъ... Теперь въ обществѣ наши долить зачали ихняго брата,—кивнулъ онъ головой въ сторону старика, а, смотри, дойдетъ то время, когда и вовсе одолятъ... Недолго имъ поцарствовать здѣсь: какой, можетъ быть, годокъ-другой, и наши верхъ возьмутъ!

Послѣдняя фраза ни къ кому прямо не относилась, но старикъ-бергаль принялъ ее на свой счетъ и вскипѣлъ.

— Не загадывай еще, какъ еще придется!—возразилъ онъ съ плохо сдерживаемымъ раздраженіемъ.—Вашихъ теперь сколько ушло изъ Гадюкина, и всѣ такъ уйдете... Нешто вы жители! такъ только шляется... И зачѣмъ только васъ пускаютъ сюда,—началъ онъ выкрикивать,—этого вотъ я никакъ не возьму въ толкъ!

Россіецъ медленно, всѣмъ туловищемъ повернулся къ бергалу и посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— А это, товарищъ, не твоего ума дѣло,—произнесъ онъ суровымъ, наставительнымъ тономъ.—А еще тебѣ вотъ что скажу, а ты запомни да другой разъ не лѣзь, когда съ тобой не разговариваютъ и тебя не спрашиваютъ... слушай: теперь нашихъ россійскихъ будетъ приходить все больше да больше, а вашихъ бергаловъ будетъ все меньше да меньше, и дойдетъ до того, что не будетъ васъ здѣсь ни одинаго!.. Помомни мое слово!

¹⁾ Глаза.

Старикъ даже взвизгнулъ и вплоть подбѣжалъ къ переселенцу, смотрѣвшему на него съ нескрываемымъ пренебреженіемъ.

— Куда же мы должны для тебя дѣваться?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его слышалась обида и въ то же время насмѣшка.

— Куда?.. А куда знаешь!.. На степь поѣзжай!.. Не умѣешь за землей ходить, такъ и ступай съ Богомъ, никто тебя не держитъ, ступай себѣ!.. Степь-то матушка широка,—у нея и тебѣ, дураку, мѣсто найдется!..

Тонъ, какимъ было это сказано, окончательно возмутилъ бергала.

— На степь,—выкрикивалъ онъ, захлебываясь отъ волненія и наскакивая на россияца,—на степь!.. Наши родители сколько годовъ робили въ горѣ, свѣту Божьяго не видѣли, сколько годовъ съ нихъ шкуру спускали, а теперь обуватель не нуженъ сталъ, такъ ступай, обуватель, на степь, пропитывай себя, чѣмъ знаешь!.. Да понимаешь ли ты, что говоришь, еловая ты шишка?

Россияецъ спокойно стоялъ, опершись плечомъ о крыльцо и заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ за цвѣтной кушакъ, опоясывавшій его опрятную фигуру, полную сознанія своей силы и превосходства. Ядовитая улыбка бродила по его губамъ, когда онъ смотрѣлъ на кипятившагося возлѣ старика. Многіе изъ присутствующихъ не безъ любопытства слѣдили за перебранкой; нѣсколько человѣкъ подошли къ спорившимъ, вокругъ которыхъ уже образовался цѣлый кружокъ.

Волненіе бергала постепенно возростало.

— Мы на степь, — продолжалъ онъ кричать, — а вы, подлецы, будете тутъ хозяйствовать да пакостить нашу землю!.. Нѣтъ, братъ, врешь! не допустимъ! Нѣтъ!

— Да ты постой,—остановилъ его вдругъ переселенецъ, которому передавалось раздраженіе бергала: — ты чего орешь-то? Какая такая *ваша* земля, откуда она взялась у васъ?! — Много ли у васъ, бергаловъ, земли-то своей? спрошу я тебя, а ты мнѣ скажи... Пожажи, гдѣ она у васъ! На повѣрку-то и окажется— всего ничего.

Старикъ-бергаль смущенно молчалъ, а переселенецъ продолжалъ въ прежнемъ тонѣ, хотя и нѣсколько спокойнѣе:

— Казенная она, а не твоя!.. Такъ ты и не суйся не въ свое дѣло... Чего ты о чужомъ-то добрѣ хлопочешь? Вотъ я снималъ въ конторѣ тридцать-пять десятинъ, тебя не спрашивали, небось... Чего же ты не отберешь ее у меня теперь? Попробуй! Може, тогда и узнаешь, ваша ли она...

Скверная улыбка искривила его ротъ. Среди присутствующихъ послышался смѣхъ. Старикъ совсѣмъ стихъ.

— Казенная-то она казенная... А все-таки она и не твоя! — неожиданно напалъ онъ на переселенца съ новой силой. — Ты откуда явился? кто тебя звалъ къ намъ? По-твоему, какъ послушать, такъ выходить: пожалуй, батюшка, къ намъ, бери земли, сколько хочешь—сдѣлай такую милость! Мы и такъ обойдемся, намъ, дуракамъ, и безъ земли хорошо! Такъ, что-ли? Мы будемъ съ голодудохнуть, а ты нашу землю пахать... А тамъ перегадишь, сколько тебѣ нужно, да и скажешь: „прощайте, старички почтенные! благодаримъ покорно на прощаньи!“ Такъ и уйдешь! Вы нѣшто жители?.. Бродяги вы, вотъ кто!...

— Что же,—перебилъ его переселенецъ, но уже совершенно спокойно и съ прежнимъ отѣнкомъ пренебреженія:—коли ежели пашня не будетъ себя оправдывать, мы и уйдемъ—мѣсто у Бога широко... Мы не привязаны къ ней, да и у васъ тутъ жить всегда тоже не обвязывались!

Сора готова была вспыхнуть съ новой силой. Я ушелъ...

Этотъ эпизодъ, свидѣтелемъ котораго мнѣ случилось быть въ одномъ изъ крупныхъ горнозаводскихъ селеній на югѣ Алтая, мнѣ вспомнился нѣсколько лѣтъ спустя, при совершенно иной обстановкѣ, въ обществѣ совсѣмъ иныхъ людей.

— Ну, это я вамъ скажу, какъ случится!.. Вѣрнѣе—кого, чья возьметъ!.. Здѣсь старожиль тѣснить и жметъ переселенца, гдѣ можетъ, а тамъ переселенецъ изъ старожила готовъ хоть масло давить... Тоже и російскій мужичокъ, доложу вамъ, спуску не дастъ, постоятъ за себя... да и пощады у него не проси! Ужъ ежели ему гдѣ нужно и возможно, онъ самъ такъ притиснетъ старожила, что тотъ и не пикнетъ!

— Избаловались, мерзавцы, — возразилъ пьяный голосъ:— своевольничаютъ, дѣлаютъ, что хотятъ...

— Я тамъ не знаю, избаловались или нѣтъ—по-моему, какъ будто имъ и негдѣ было баловаться... Да и не въ томъ дѣло... Я хочу только сказать, что вообще нашъ мужичокъ умѣетъ поприжать ближняго, ежели только въ силѣ... И въ этомъ случаѣ, что переселенецъ, что старожиль—одна цѣна: только бы онъ въ себѣ силу чувствовалъ, а то, когда нужно, онъ даетъ себя знать... Вы вотъ, можетъ быть, и сами замѣтите: гдѣ въ деревнѣ мало переселенцевъ—худо имъ, жметъ ихъ старожиль; прошло время, поприбавилось въ деревнѣ російскаго народу, пообжились

и переселенцы—начали уже они тѣснить старожиловъ, а тамъ, смотришь—старожиль уже бѣжить изъ родного селенія куда-нибудь въ камень ¹⁾). По-моему, попросту каждый свою линію гнетъ: переселенецъ—свою, а старожилъ—свою. Кто попался на пути, тотъ и сворачивай въ сторону, давай ему дорогу... а не свернулъ—не жалуйся, пеняй на себя!.. Кто знаетъ, прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія говорившій, на ихъ мѣстѣ, можетъ быть, и мы съ вами, Петръ Аѳанасьевичъ, также бы поступали... Такъ неужто и мы стали бы оттого мерзавцами?..

— Линію свою гнутъ! — отвѣчалъ раздраженнымъ тономъ тотъ, кого собесѣдникъ называлъ Петромъ Аѳанасьевичемъ.—Да кто имъ позволилъ думать о своей линіи? Поменьше бы ихъ баловали, да почаще бы хорошенько драли ихъ,—они забыли бы, какая тамъ линія есть, и не ломали бы другъ другу ребра... Все это одна распушенность! Съ мужикомъ развѣ можно обращаться по-человѣчески?!

Говорившій съ шумомъ отодвинулъ стулъ, нетвердой поступью вышелъ изъ сосѣдней комнаты въ ту, гдѣ я, только-что пріѣхавши, раздѣвался съ дороги, и прошелъ въ сѣни.

Разговоръ, начала котораго я не слышалъ, происходилъ на земской квартирѣ, въ одной изъ глухихъ волостей Алтая, между волостнымъ писаремъ и врачомъ, случайно, какъ и я, съѣхавшимися и оставшимися ночевать.

Я ихъ засталъ за чайнымъ столомъ, гдѣ кипѣлъ самоваръ, были разложены закуски и стояла на половину выпитая бутылка водки и рюмки. Писарь и докторъ сидѣли, какъ мнѣ было видно изъ прихожей, гдѣ я раздѣвался, въ непринужденныхъ позахъ, безъ сюртуковъ и, повидимому, уже успѣли достаточно выпить, особенно докторъ, котораго я встрѣтилъ теперь въ первый разъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ представителей захолустной „интеллигенціи“, которые въ глуши, куда нерѣдко они попадаютъ на службу прямо со школьной скамьи, какъ-то удивительно быстро не то что опускаются—опускаться имъ нечего—а, такъ сказать, разоблачаются, скидываютъ съ себя все то, чтò когда-то, хотя бы и поверхностно, было наложено на нихъ школой, книгой, товариществомъ. Встрѣчая такого господина, вы съ изумленіемъ спрашиваете себя: да неужто же этотъ человѣкъ когда-нибудь могъ быть въ университетѣ?.. Пьяный и грубый, ловелась и циникъ, Иголкинъ—фамилія доктора—изумительно

¹⁾ Въ горы Алтая.

быстро акклиматизировался въ нашихъ краяхъ, куда лишь недавно попалъ, и уже пользовался въ обществѣ довольно широкой извѣстностью, не особенно для него лестной.

Писаря Коробкина я встрѣчалъ и раньше, и мы были съ нимъ знакомы. Обладая умомъ и характеромъ, достаточно хитрый и ловкій, онъ умѣлъ ладить и съ крестьянами, относившимися къ нему съ большимъ уваженіемъ, и съ чиновниками, которые, можетъ быть, не столько уважали его, сколько остерегались. Никто изъ нихъ не рѣшался не только говорить ему „ты“, но не позволялъ себѣ и многого другого, что въ сношеніяхъ съ писарями у насъ считается позволительнымъ и нормальнымъ. Онъ всегда держался скромно, но вполнѣ независимо. Многіе знали бывшую съ нимъ когда-то „исторію“—онъ далъ пощечину чиновнику, предложившему ему сдѣлать служебный докладъ, за что отсидѣлъ въ острогѣ,—и это выдѣляло его изъ среды другихъ волостныхъ писарей, создавало ему извѣстное „положеніе“... Деревенскіе знакомые называли его въ шутку „своимъ министромъ“, и нужно было видѣть Коробкина въ волостномъ правленіи, окруженнаго толпою мужиковъ, чтобы согласиться, какъ дѣйствительно шло къ нему это шутовское прозвище: это былъ настоящій волостной министръ, какіе иногда попадаютъ въ Сибирь.

Возвратился въ комнату докторъ. Мы познакомились, и я подсѣлъ къ столу.

— Вотъ, докторъ думаетъ,—возобновилъ Коробкинъ прерванный разговоръ, обращаясь ко мнѣ,—что переселенцевъ почаще драть слѣдуетъ...

— А, конечно, слѣдуетъ!—отозвался тотъ, наливая рюмки и пригласая и насъ выпить съ нимъ.

— Много они хлебаютъ, Петръ Аѳанасьевичъ, березовой-то каши,—отвѣчалъ Коробкинъ, выпивъ водку и закусывая,—только что-то она худо дѣйствуетъ... Вотъ, въ сосѣднемъ участкѣ есть поселокъ Марьевка, не такъ давно заселился,—такъ сколько марьевцы переѣли этой каши, а все безъ толку!

— По какому же это поводу?—спросилъ я.

— А такъ сказать, что и безъ всякаго повода. Есть въ Петербургѣ какой-то большой баринъ, который марьевцевъ знаетъ и за нихъ другой разъ хлопоталъ—нашимъ-то господамъ чиновникамъ это и не понравилось... Вотъ одинъ изъ нихъ заѣхалъ какъ-то въ Марьевку—то-ли по дѣлу, то-ли безъ дѣла, ужъ не знаю. Только не понравилось ему, какъ мужики построились. Пошумѣлъ по этому поводу господинъ чиновникъ, покричалъ на

мужиковъ и приказалъ избы снести и снова построить, какъ ему хотѣлось. Мужики, гдѣ бы имъ промолчать—тотъ и забылъ бы потомъ, заупрямились: „намъ, говорятъ, и такъ ладно, не согласны сносить!“ Баринъ вспылить... Послѣ этого ихъ, марьевцевъ-то, въ волости одного по одному чуть не всѣхъ перепороли... И замѣтите: за каждымъ оказалась какая-нибудь провинность... Приходитъ мужикъ въ правленіе по своему дѣлу, писарь либо старшина спрашиваетъ: „Откуда?“—„Изъ Марьевки мы“, отвѣчаетъ.—„А, изъ Марьевки! за тобой, братецъ, провинность есть!“—„Какъ будто не должно бы быть“, говоритъ смущенно мужикъ, „ровно бы я ничего такого не сдѣлалъ“...—„Нѣтъ, есть! посиди-ка въ сборной, мы тутъ справимся о тебѣ“. Ну, и справлялись—оказывалось, есть провинность, тутъ же ихъ и раскладывали... Да еще какъ пороли-то!

— Вотъ... это... люблю! — воскликнулъ Иголкинъ, уже со всѣмъ захмелѣвшій.—Вотъ это-то хорошо!.. Такъ и нужно: неповиновеніе—драть скотину!.. Небось... по-умиѣ-еть!.. Выпьемъ-ка еще по единой!—обратился онъ къ намъ.

Мы отказались.

— Ну, и чортъ съ вами... я и одинъ выпью!—И онъ налилъ себѣ еще рюмку.

— А марьевцы и теперь на прежнихъ мѣстахъ сидятъ—никто не сдвинулся,—замѣтилъ Коробкинъ и тихо засмѣялся.

Но Иголкинъ уже не слушалъ. Онъ съ трудомъ поднялся съ мѣста и, перебравшись на диванъ, легъ, не раздвѣаясь.

Пора было спать и намъ. Мы тоже встали изъ-за стола и начали готовить себѣ на полу постели.

Часы пробили три. Потому ли что въ комнатѣ было слишкомъ жарко и душно, подъ вліяніемъ ли впечатлѣнія, какое произвелъ на меня докторъ Иголкинъ, не знаю,—но я никакъ не могъ заснуть, ворочался съ боку на бокъ и курилъ папиросу за папиросой.

Коробкинъ, постель котораго была рядомъ съ моею, тоже не спалъ, тревожимый, повидимому, докторскимъ храпомъ.

— И чудной же человѣкъ!—обратился ко мнѣ Коробкинъ.—Избаловались, говорить, мерзавцы!.. А сколько эти „мерзавцы“ терпятъ, сколько имъ достается, про то не говоритъ, небось... а тоже вѣдь по деревьямъ ѣздить! Вотъ я видѣлъ въ прошедшемъ году, какъ пальчиковскіе бергалы разорили Красноярку—такъ, повѣрите ли, старый я человѣкъ, а силъ моихъ не было

смотрятъ на нихъ! А ужъ я ли, кажется, не видываль на своемъ вѣку всякаго—и худого, и хорошаго!

Меня это замѣчаніе очень заинтересовало. О разореніи Красноярки я кое-что слышалъ, но всѣ доходившіе до меня слухи не отличались опредѣленностью: кто винилъ во всемъ переселенцевъ, вызвавшихъ столкновеніе своей назойливостью; кто ругалъ бергаловъ, а иные винили во всемъ мѣстную администрацію, которая своими неумѣлыми распоряженіями довела до столкновенія старожиловъ и переселенцевъ, едва не принявшаго весьма прискорбнаго оборота.

— Вы-то какимъ образомъ туда попали?—спросилъ я Коробкина, желая вызвать его на разговоръ.—Вѣдь Красноярка не въ вашемъ уѣздѣ?

— Совершенно случайно: сына возилъ въ городъ, да на обратномъ пути какъ разъ и наѣхалъ на исторію.

— Въ чемъ же эта исторія состояла?

— Если хотите, я пожалуй подробно расскажу вамъ—все равно, тутъ не уснешь скоро.

Коробкинъ совсѣмъ повернулся въ мою сторону, приподнялся на локтѣ и оперся головой на руку. При слабомъ свѣтѣ лампы мнѣ хорошо было видно его лицо, уже немолодое, съ темной длинной бородой и шапкой вьющихся сѣдыхъ волосъ; темные глаза его, въ которыхъ свѣтились внутренняя усталость, смотрѣли ровно, спокойно.

— Если вамъ случалось бывать въ Пальчиковѣ, такъ вы знаете—селеніе большое, чуть не городъ,—иной городъ, пожалуй, хуже будетъ, — ничего что рудникъ. И народъ въ немъ разный: тутъ и бергалы, и крестьяне, торгующіе... А живутъ между собой пальчиковцы не то чтобы вовсе мирно,—все изъ-за земли ссорятся: то бергалы съ крестьянами не могутъ никакъ разойтись, то опять съ переселенцами, либо съ арендаторами сѣпятся не хуже собакъ изъ-за кости. Я вамъ не буду рассказывать объ ихъ ссорахъ, — долго говорить, а расскажу только послѣднюю исторію съ красноярцами. Нужно вамъ замѣтить, что много грѣха на душу взяли въ этомъ дѣлѣ два господина... Да вы какъ будто бывали въ Пальчиковѣ,—такъ вы должны тамъ знать Безсонова Василья—старичокъ такой старенькій, за рудникомъ еще домъ у него... Его больше попросту Васькой зовутъ... онъ все еще съ попами ссорится да доносы пишетъ,—напоминалъ мнѣ Коробкинъ.

— Знаю, встрѣчался съ нимъ, — отвѣчалъ я, вспомнивъ

отставного чиновника-старика, котораго въ Пальчиковѣ всѣ ругали и всѣ боялись.

— Ну, вотъ, этотъ самый старичокъ богобоязненный!.. Да еще есть тамъ въ родѣ разбойника—Ванька Каинъ... можетъ быть, и этого знаете?

— Знаю и этого.

— Ну, ну! Да ихъ нельзя не знать въ Пальчиковѣ! Вотъ они и орудовали съ красноярцами.

— Но что же общаго между Безсоновымъ и Васькой? Вѣдь Безсоновъ—отставной чиновникъ...

— А Ванька—разбойникъ, это вы хотите сказать?—перебилъ меня Коробкинъ.—Ну, въ данномъ случаѣ, я вамъ долженъ сказать, плохо же вы еще бергаловъ знаете. Во-первыхъ, у нихъ все сродственники: тотъ ему двоюродный дядя, этотъ—внучатный племянникъ, а та—сватья, и самъ чортъ не разберетъ, кто кому свой... Если поразспросить хорошенько, такъ я увѣренъ, что окажется, что Безсоновъ съ Ванькой въ родствѣ состоятъ. А во-вторыхъ, бергалъ, хоть онъ и чиновникъ, все-таки будетъ за своихъ руку держать, какъ, знаете, у казаковъ: хоть ты и воръ, да свой! Такъ и тутъ: отставной канцелярскій служитель Безсоновъ и разбойникъ Ванька будутъ другъ дружку поддерживать. И ядовитый же народецъ, доложу вамъ! — продолжалъ Коробкинъ, немного помолчавъ. — Вотъ хоть бы того же Безсонова взять... Вѣдь ужъ старъ сталъ, а злости въ немъ, такъ, ей-Богу, что въ другой собакѣ!.. Какъ выгнали его со службы—сказываютъ, лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ,—съ тѣхъ поръ онъ пуще и обозлился, все-то ему не нравится, все-то не по его... Вотъ онъ и пишетъ всякія клеузы, травитъ между собой бергаловъ, ссоритъ общество. Смотришь, тамъ съ батюшкой сѣѣнился, тутъ съ лѣсничимъ, либо просто съ сосѣдомъ—ядовитый человѣкъ!..

— Полноте, да онъ почти и не ходитъ никуда,—стараюсь я выяснитъ вполнѣ отношеніе Коробкина къ Безсонову, хотя и знаю, что въ своемъ отзывѣ онъ совершенно правъ.

— Что же изъ того? Онъ не ходитъ, да къ нему всѣ идутъ. Вы посмотрите, какъ пальчиковскіе бергалы его уважаютъ: отставной канцелярскій служитель—это для нихъ, доложу вамъ, штука большая! „Чиновникъ“, говорятъ, „письмянный человѣкъ, онъ все можетъ!“ И они стоятъ за него горой, хотя каждый изъ нихъ знаетъ, что Васька Безсоновъ—воръ, ихъ же прежде грабилъ, чѣмъ и нажилъ состояніе... Надо отдать ему справедливость, онъ умница, хитрый, подлый, увѣрливый; онъ изъ всякаго дѣла сухой выходитъ, дѣйствуя доносомъ, ябедой да подговоромъ.

Коробкинъ пришелъ въ нѣсколько возбужденное настроеніе; видно было, что разговоръ задѣваетъ его больное мѣсто.

— Ну, а Ванька Каинъ, тотъ, какъ и подобаетъ разбойнику и барантачу,—нахаль, вездѣ самъ лѣзетъ, оретъ на сходѣ, булгачить народъ... Выросъ онъ на кухнѣ да конюшнѣ управляющаго, и теперь постоянно толчется возлѣ чиновниковъ, обиваетъ задніе пороги. Не успѣетъ чиновникъ какой за чѣмъ-нибудь пріѣхать въ Пальчиково, Ванька ужъ у него на кухнѣ трется чего-то, а потомъ хвастаетъ... Бергалы и ему вѣрятъ, хотя также знаютъ, что онъ—воръ; уважаютъ и его по-своему, говорятъ о немъ: „Нашъ Ванька все знаетъ, ему все извѣстно, потому онъ всегда около чиновниковъ“... Такъ вотъ въ Пальчиковѣ ни одна исторія не обходится безъ участія Васьки Безсонова и Ваньки Каина.

— Чѣмъ же это объясняется? Вѣдь не тѣмъ же, что одинъ—отставной канцелярскій служитель, а другой—разбойникъ и барантачъ, какъ вы его называете?

— Ну, разумѣется, не тѣмъ,—засмѣялся Коробкинъ.—Тутъ много причинъ: и съ землей неурядица, и характеръ самихъ бергаловъ, ихъ невѣжество—да мало ли что! Дикій народецъ, нечего говорить... Да вы не слыхали, что они въ холерный годъ, было, сдѣлали?

— Нѣтъ, не слыхалъ, а что?

— Какъ же, помилуйте! Господа пальчиковскіе бергалы чуть, было, холерный бунтъ не сочинили... Порядокъ у насъ во всемъ одинъ: не грянетъ громъ—никто не перекрестится. Какъ начнется эпидемія, мы сейчасъ же назмы разгребать, что копили, можетъ быть, двадцать лѣтъ; поднимется такая чистка, что изъ комнаты носу нельзя высунуть—такой вездѣ смрадъ стоитъ; иначе нельзя—время пришло умирать!.. То же и въ холерный годъ было. Сначала все смѣялись: „Можетъ ли это быть, чтобы у насъ холера была!“—говорили сибиряки.—„Это у нихъ тамъ, въ Россіи, народъ шибко ужъ нѣжный сталь, потому тамъ и холера; а у насъ, въ Сибири, ей дѣлать нечего, потому она у насъ никогда и не бывала; мы не знаемъ, какая-такая холера есть!“ Такъ разсуждали старички по деревнямъ; такъ же толковали и пальчиковцы. Только слышать, по деревнямъ народъ мретъ, все больше по переселенческимъ поселкамъ, а гдѣ и въ сибирскихъ деревняхъ, такъ тоже мрутъ больше россійскіе же... Забеспокоились пальчиковцы... Безсоновъ разъясняетъ: „Вздоръ, молъ! никакой холеры не было бы, еслибы не россійскіе,—это они все хворь распускаютъ“—переселенцы, значить... „Не нужно пускать

изъ въ селеніе, вотъ и холеры никакой не будетъ "... Баракъ тоже не нужно, потому „некого въ нихъ класть будетъ!..“ Собрался народъ; погалдѣли, побранили, какъ водится, начальство, да и порѣшили барака не строить, переселенцевъ въ селеніе не пускать; если пришлютъ доктора или студента—выгнать вонъ. Тутъ ужъ Ванька старался; рассказывалъ, какъ въ гадюкинскомъ рудникѣ выгнали аптекаря изъ селенія: „Приѣхалъ,—рассказываютъ,—нанялъ квартиру и зачалъ какую-то особенную печку класть... Къ чему понадобилась печка? въ домѣ и такъ ихъ достаточно... Смотрятъ, печку поставилъ—модныя трубы къ ней прокладываетъ... тутъ ужъ для всякаго на виду, что къ чему... зелье варить хотѣлъ да народъ травить! Какъ узнало общество,—въ тую же минуту и прогнали изъ деревни... скажи спасибо, что не побили“... Такіе рассказы еще больше тревожатъ; пошли разные толки, и конца имъ нѣтъ... Хорошо, ни одинъ человѣкъ не захворалъ, все такъ и затихло, а могли бы быть серьезныя непріятности... Впослѣдствіи все на переселенцевъ свалили: не пускали-де ихъ, вотъ и холеры не было!

— Причемъ же тутъ красноярцы? спросилъ я, желая навести Коробкина на прежнюю тему.

— У бергаловъ, какъ вамъ извѣстно, нѣтъ своей земли; усадьбное мѣсто да десятина сѣнокоса на душу—вотъ и все, что у нихъ есть ¹⁾. Но это не мѣшаетъ бергаламъ считать всѣ заводскія земли своими—мы-де заводскіе, а земля наша. То же и въ Пальчиковѣ: сами не пахутъ, а если кто и припахиваетъ, то денегъ не хочетъ платить, потому что „земля наша“. Одинъ переселенецъ—Меленчукъ, жившій ранѣе въ Пальчиковѣ, выхлопоталъ разрѣшеніе на образованіе поселка недалеко отъ Пальчикова, и привелъ партію хохловъ съ собой на указанное ему мѣсто, на Красномъ-Яру. Безъ лишнихъ разговоровъ хохлы сейчасъ же разбили усадьбы, назначили, гдѣ будутъ улицы, гдѣ переулки, тамъ базаръ да церковь, наколотили въ землю колышковъ и начали землю рыть—строиться на зиму... хохлы на этотъ счетъ народъ шустрый! Только прошло съ недѣлю, заявляется къ нимъ объѣздчикъ, осмотрѣлъ мѣсто и объявилъ, что они сѣли въ чужой дачѣ—пальчиковской, велѣлъ отнести постройки дальше, выше по рѣкѣ. Сдвинули хохловъ... Какъ ужъ тутъ подвернулся Ванька Каянъ, этого я вамъ объяснить не сумѣю, только онъ указалъ Меленчуку, гдѣ слѣдуетъ снова строиться. Хохлы по-

¹⁾ Въ 1897 г. горнозаводское населеніе получило право на отводъ, временно до общаго поземельнаго устройства въ округѣ, до 15 десятинъ на душу.

слушались, вновь все измѣрили, наколотили опять колышковъ и стали рыть землю. Тѣмъ временемъ прослышалъ Безсоновъ, что переселенцы поселокъ заводятъ подъ селеніемъ... Тому-другому поговорилъ: „не слѣдуетъ допускать переселенцевъ селиться, потому лѣсничій не имѣлъ-де права разрѣшать поселка на пальчиковской землѣ“. Бергалы загадѣли... Полетѣли въ разныя стороны жалобы на чинимыя бергаламъ обиды, на своеволие переселенцевъ и потворство имъ лѣсничаго; послали человекъ трехъ выборныхъ хлопотать лично. Былъ у нихъ въ то время особый чиновникъ ¹⁾—человекъ горячій. Не разобравъ толкомъ, въ чемъ дѣло, онъ сгоряча и далъ распоряженіе пальчиковскому старостѣ произвести осмотръ занятаго Меленчукомъ мѣста, и если оно окажется въ пальчиковской дачѣ, то не допускать хохловъ селиться. Тутъ-то вотъ и заварилась каша!

Коробкинъ поднялся на постели и сѣлъ.

— Я какъ разъ въ то время возвращался изъ города и заночевалъ въ Пальчиковѣ. Утромъ сижу въ избѣ, чай пью и вижу въ окно—сѣдлаютъ лошадей. Спрашиваю хозяина: Куда сряжаешься ѣхать?

— „Россійскихъ зорить ѣдемъ!“ говоритъ.

— Какъ, моль, зорить ѣдете? Какихъ россійскихъ? Врешь, моль, чего-то?

— „Нѣтъ, говоритъ, вѣрное слово, зорить ѣдемъ на Красный-Яръ, версть съ пятнадцать будетъ отсюда,—хохлы тамъ строятся“.

Что, думаю, за исторія!—Кто же, спрашиваю, позволить вамъ зорить ихъ? Вѣдь за это отвѣчать придется.

— „Ничего,—говоритъ,—не будетъ, не сумлѣвайся. Вечоръ староста приказалъ сегодняшняго числа утромъ всѣмъ явиться на вѣршной ²⁾, съ нимъ мы и поѣдемъ. А ты думалъ, мы дуromъ хотимъ ѣхать? Нѣтъ, сказываю—приказъ вышелъ“.

Меня это, знаете, такъ взбудоражило! Дай, думаю, поѣду—посмотрю, что у нихъ тамъ такое дѣлается... Не можетъ быть, говорю себѣ, чтобы староста спроста приказалъ народу явиться разорять переселенцевъ—что-нибудь не понялъ старый и навралъ мнѣ. Говорю объ этомъ хозяину.

— „Что-жь, поѣдемъ, намъ же веселѣе будетъ“,—согласился тотъ.

Такъ мы и поѣхали втроемъ: хозяинъ съ сыномъ, да я.

¹⁾ Такъ на Алтаѣ называли чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ.

²⁾ Верхомъ на лошади.

Улицей ѣдемъ,—вижу, и въ самомъ дѣлѣ, народъ куда-то срягается—кто выѣзжаетъ уже со двора, у кого у воротъ готовые кони стоятъ. Выѣхали на базарную площадь,—а тамъ народу собралось, что на ярмаркѣ! Все верховые, а изъ улицъ съ разныхъ сторонъ подъѣзжаютъ новые, кто въ одиночку, а кто и цѣлыми компаніями. Галдитъ народъ; которые смѣются между собой, все такіе веселые...

— „Чего же,—спрашиваетъ одинъ старикъ,—ждать еще будемъ? Время-то не раннее“.

— „А вотъ вѣсть подадутъ, что лѣсничій срядился,—тогда и мы поѣдемъ“, отвѣчаетъ староста.

Прошло еще нѣсколько времени, смотримъ, кто-то шибко такъ бѣжитъ улицей на вѣршной. Конекъ подъ нимъ чудесный, рыжій—не меньше, думаю, сотенной стоитъ,—а самъ верховой одѣтъ худо: рубаха на немъ старая да грязная, пиджакъ сверху засаленный, подпоясанъ ремешкомъ. Шибко гонитъ и прямо на народъ, а самъ кричитъ что-то да рукой машетъ. Подъѣхавъ ближе, вижу—мужикъ немолодой, въ плечахъ косая сажень, рожа красная, вся въ глубокихъ морщинахъ, точно избѣченная, скуластая, глаза какъ щелки,—разбойникъ разбойникомъ. „Кто такой?“ спрашиваю хозяина. „Кайнобъ Ванька, не знаешь что-ли?“ Потомъ онъ мнѣ рассказалъ о немъ, какъ онъ съ братомъ своимъ киргизъ грабилъ, да одному глаза вырвали. Съ тѣхъ поръ его Каиномъ и прозвали.

— „Приказали сейчасъ подавать!“ кричалъ Ванька, подъѣзжая къ толпѣ.

Толпа зашевелилась, заволновалась и направилась въ улицу. Поѣхали и мы за другими.

Выѣхали за село. Посмотрѣлъ я кругомъ: народу съ нами не меньше, какъ человекъ триста, растянулись по дорогѣ версты на двѣ... всѣ верхами, у каждаго плеть въ рукахъ—войско войскомъ... Немного погодя, слышимъ сзади колокольчикъ. Смотрю, обгоняетъ насъ тройка, въ тарантасѣ сидятъ лѣсничій да полицейскій приставъ. Проѣхали они, мы за ними пропустили рысью. Пыль на дорогѣ столбомъ поднимается, свѣтъ застилаетъ...

Потомъ я узналъ, что староста не рѣшился одинъ ѣхать, еще наканунѣ сбѣгалъ и упросилъ лѣсничяго, чтобы тотъ выѣхалъ осмотрѣть мѣстность. Лѣсничій, слышавшій уже, что затѣваютъ бергалы, прихватилъ съ собой и пристава.

Когда мы подъѣхали, въ поселкѣ уже толпа окружала лѣсничяго съ полицейскимъ. Бергалы требовали, чтобы имъ разрѣшили пахать переселенческія жилища. Нѣкоторые слѣзли съ

коней и подошли къ чиновникамъ вплоть. Лица у всѣхъ были возбужденныя... Переселенцевъ я въ эту минуту изъ-за народу не видалъ, только слышенъ былъ бабій вой да плачь.

— „Я не для того пріѣхалъ сюда“, кричалъ лѣсничій, „чтобы ломать что-нибудь, а хочу только провѣрить правильность вашихъ жалобъ, будто переселенцы сѣли въ пальчиковской грани. Подайся, ребята, назадъ, промѣрь будемъ дѣлать!“

Сдвинулись назадъ, очистили мѣсто; впереди остались только лѣсничій, приставъ да нѣсколько человекъ бергаловъ. Начали промѣривать землю. Я оглядѣлся. Десятка два-три землянокъ, изъ которыхъ многія были не кончены, другія только еще начаты; нѣсколько шалашей изъ древесныхъ вѣтвей да переселенческія телѣги, крытыя сверху холстомъ,—все это было разбросано по степи въ безпорядкѣ. Тутъ былъ и весь поселокъ, который пріѣхали „зорить“... Переселенцевъ въ поселкѣ не было: завидѣвъ приближающійся отрядъ верховыхъ, они бросили свои жилища, бѣжали и столпились на холмѣ, саженьяхъ въ двухстахъ отъ поселка. Отсюда-то и несся плачь женщинъ и дѣтей.

Пока лѣсничій возился съ промѣркой, приставъ задумчиво ходилъ передъ землянками взадъ и впередъ. Маленькій старичокъ, очень добродушный, больше похожій на бабушку, чѣмъ на полицейскаго чиповника, былъ взволнованъ и не зналъ, что ему дѣлать. Двѣ толпы, которыя онъ въ эту минуту раздѣлялъ, обѣ возбужденныя, не общались ничего хорошаго. Лѣсничій кончилъ и объявилъ, что землянки находятся внѣ пальчиковской дачи, кромѣ одного шалаша да опрокинутой и прикрытой телѣги, находившихся нѣсколько поодаль отъ прочихъ. Толпа бергаловъ снова надвинулась ближе и напряженно слушала. Не знаю, не понялъ ли староста, или не дослышалъ, но онъ вновь обратился къ лѣсничему съ прежней просьбой:

— „Ваше-скородіе! прикажите ломать!“

Лѣсничій вновь повторилъ, что приказать ломать онъ не можетъ, такъ какъ переселенцы заняли мѣсто правильно.

— „А если тебѣ непременно хочется ломать,—прибавилъ онъ,—ломай, братецъ, хоть до самаго города — тутъ на сто верстъ все пойдутъ зачинки!“

Толпа зашумѣла... Часть требовала ломать постройки. „Нечего на него смотрѣть—ломай, да и все тутъ!“—слышались голоса. Староста не рѣшался ни на что и безтолково топтался на мѣстѣ. Шумъ все усиливался, нетерпѣніе росло. Ванька тутъ, въ толпѣ, ѣздитъ на своемъ конькѣ отъ одного къ другому, шумить, кричить... Я его спрашивалъ потомъ, какъ онъ попалъ

въ указчики мѣста переселенцамъ. „А я самъ у барина вы-
звался, потому мнѣ эти мѣста очень извѣстны“, отвѣчалъ онъ,
не моргнувъ глазомъ.— „Ну, а теперь ты сюда какъ попалъ?“—
„Меня общество депутатовъ назначило, какъ и другихъ про-
чихъ...“— „Зачѣмъ?“ спрашиваю.— „Извѣстно“, говоритъ, „за-
чѣмъ: избы ломать, потому какъ онѣ въ нашей гранѣ построены“.
— „Да вѣдь ты же указалъ имъ это мѣсто?“— „Такъ что-жъ,
что я?“— „Какъ же ты“, спрашиваю, „теперь рѣшился при-
ѣхать сюда и хочешь ломать избы, когда самъ же указалъ, гдѣ
строиться?“— „Помилюйте, какъ же я не поѣхалъ бы? нешто я
супрогивникъ своему обществу?“— Я только плюнулъ и отошелъ
отъ него.

Наконецъ, нашъ старичокъ приставъ надумался.

— „Вотъ что, ребята“, обратился онъ къ бергаламъ: „я
запрещаю вамъ что-нибудь ломать, такъ и знайте! Переселенцы
сидятъ правильно. Кто ослушается, отвѣчать будетъ!“

Въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ. Я взглянулъ
въ сторону переселенцевъ. Собрались они въ отдаленіи, на при-
горкѣ, толпой человекъ въ полтора-двадцати. Лица у всѣхъ
испуганныя, блѣдныя, всѣ безъ шапокъ, одѣты худо. Бабы воютъ.
ребята испуганно жмутся къ ихъ ногамъ. Кто на колѣни опу-
стился, молится на небо, руки поднялъ вверхъ... Солнцемъ сбоку
такъ ихъ всѣхъ и обдастъ... Повѣрите: не могъ смотрѣть, от-
вернулся, горло сдавило, чувствую—слезы такъ и подступаютъ...
И представилось мнѣ, что первые хрістіане вотъ такъ же стояли
передъ своими мучителями...

— „Мы такъ положили“, говорили они мнѣ въ тотъ же день
вечеромъ: „Будь, что будетъ, а мы съ мѣста не двинемся“... На
Бога больше разчитывали.

Приставъ молча стоялъ и крутилъ свой длинный бѣлый
усъ; видно было, какъ тяжело старику. Лѣсничій смотрѣлъ
куда-то въ сторону и хмурился. Галдѣть перестали; затихло
все кругомъ, только бабій плачь доносился...

Я теперь не стѣмью вамъ рассказать, что тутъ случилось—
я и въ ту минуту чего-то не разобралъ и не понялъ... Какъ
будто никто приказанія не отдавалъ, — я не слышалъ, — какъ
вдругъ часть толпы съ ревомъ бросилась впередъ... на нее по-
надвинулись задніе ряды, опрокинули шалашъ и телѣгу, что на
заводской землѣ стояли, да сейчасъ же и назадъ подались...
Толпа точно качнулась впередъ и назадъ, да и застыла, шумъ
и крики разомъ стихли. Я бросился впередъ: подъ шалашомъ
лежалъ покойникъ, совсѣмъ обряженный, а подъ телѣгой двое

больныхъ малыхъ ребятишекъ, кѣмъ-то изъ переселенцевъ забытыхъ и брошенныхъ во время бѣгства... Лѣсничій быстро пошелъ къ пригорку, гдѣ были переселенцы. Его догналъ Ванька.

— „Ваще-скородіе! не извольте ходить къ нимъ — они убьютъ васъ!“

— „Убирайся ты отъ меня къ чорту, мерзавецъ!“ сердито отмахнулся тотъ, продолжая идти.

Бергалы одинъ по одному начали разбѣжаться, а черезъ полчаса, кромѣ лѣсничаго съ приставомъ да меня, никого уже въ поселкѣ не осталось. Лѣсничій предложилъ переселенцамъ отнести усадьбы подальше отъ границы дачи, и тѣ сейчасъ же согласились.

— Такъ красноярцы и еще разъ перенесли свои усадьбы, — закончилъ свой рассказъ Коробкинъ.

С. Марусинъ.

